

Колдуны и колдуньи въ старину.

Темному человѣку трудно жить на свѣтѣ. Все то ему непонятно, и тамъ, гдѣ знающій разомъ увидить суть дѣла, темный, незнающій запутается и не съумѣетъ ступить шагу. Въ старину, когда людей свѣдущихъ было меньше, чѣмъ теперь, вовсе плохо жилось. Люди не знали, что надо жить чисто, грязи заводить меньше, и потому, коли случится болѣзнь заразительная, такъ и пойдетъ мереть народъ. Какъ лечить — не знали, да и подойти боялись къ больному. А тамъ глядишь неурожай. Теперь скорѣй можно изъ другого мѣста привезть хлѣба, чѣмъ прежде, когда дороги были плохія, а то и вовсе не было, и мрутъ бывало люди съ голоду. Да и войны частыя разоряли цѣлыя государства. Такъ и жили всѣ въ вѣчномъ страхѣ, что вотъ-вотъ бѣда случится. А откуда бѣда, откуда чума,

голодь и всякое зло—темнымъ людямъ и не въ домекъ. Какъ тутъ не подумать простому человѣку, что зло это напущено. А какъ зло напустить безъ нечистой силы, безъ помощи дьявола? Стали слѣдить другъ за другомъ, нѣтъ-ли кого, кто сносится съ нечистымъ, кто его силой напускаетъ на людей бѣду. У страха глаза велики, вотъ и мерещится напуганному человѣку всякая „чертовщина“:

„Пошла я за водой, говоритъ одна баба, гляжу — идетъ сосѣдка, только поровнялась я съ ней, а меня въ бокъ и кольнуло“; „у меня она скотину похвалила, а скотина то и заболѣла“, говоритъ другая.

Укралъ мужикъ у бабы мѣшокъ и сдѣлалъ изъ него заплату на штаны. Черезъ недѣлю заболѣли у него ноги. „Колдунья она, проклятая“, рѣшилъ мужикъ-воръ. „Это отъ ея мѣшка“. „Колдунья и есть“, говоритъ другой—я вотъ у ея родни на свадьбѣ дюже наѣлся... Она меня угощала, такъ потомъ живъ-вотъ дня три болѣлъ.“

Что же дѣлать съ колдовствомъ, какъ отъ него избавиться?

И вотъ люди рѣшили подвергать такихъ колдуновъ и колдуній ужасной казни сжигать живыми на кострахъ. Но какъ узнать

кому помогаетъ дьяволъ. Вѣдь этого не увидишь глазами, не услышишь, такъ какъ ничего этого нѣтъ. И тутъ человѣческая темнота и жестокость придумали „пытку“. Хватаютъ напริมѣръ кого попало по чьему нибудь оговору и начинаютъ пытаться: мучить, допрашивать, знается ли онъ съ чертомъ. Муки такъ сильны, что изъ милліона одинъ развѣ вынесетъ, а всѣ остальные наплетутъ на себя что угодно и другихъ еще оговорають. Какъ можно вынести, когда начнутъ по порядку продѣлывать одно истязаніе за другимъ. Вотъ какъ судили въ старину: приводятъ кого нибудь, чаще всего женщину, на которую есть указаніе, что она колдунья, въ судъ. Сидятъ судьи и свѣтскіе и духовные, епископы, священники, монахи.

„Признавайся добровольно, говорятъ подсудимой, тогда тебя удавятъ и тѣло сожгутъ на кострѣ. А не признаешься — живьемъ сожгутъ“. Но она не сознается, хочетъ доказать свою невинность. Какъ же такъ умирать безъ всякой вины?

„Тебя въ пытку оговорила вѣдьма, ее сожгли“, — продолжаютъ судьи. „Она тебя видѣла какъ ты въ такую-то ночь ѣздила на шабашъ“.

— Да вѣдь на пытку все можно сказать— оправдывается несчастная, спросите мужа, сосѣдей, я въ эту ночь была дома.

— Ты вырыла изъ могилы такого-то младенца и сдѣлала изъ него волшебный порошокъ.— Не унимаются судьи.

— Разройте могилу, и увидите, что ребенокъ тамъ.

— Ты испортила такихъ-то дѣтей.

— Вотъ ихъ родители. Спросите хоть ихъ. Всѣ дѣти здоровы, одинъ только немного поболѣлъ.

— Не сознается вѣдьма,—злятся судьи.— Путаешь насъ, „умудряешь ее дьяволъ“... Позвать свидѣтелей.

Свидѣтели тоже ничего не помнятъ. Начнетъ иной со страху наговаривать, да собьется, спутается.

— Помогаетъ ей дьяволъ: отшибаетъ память у свидѣтелей. Сознавайся сама— пристають къ ней. Но та не хочетъ.

— Не сознаешься?... Въ пытку ее.

И пойдутъ терзанія. Раздѣваютъ догола и сначала ищутъ печать дьявола, колютъ въ разныхъ мѣстахъ иглой. Думали, что дьяволъ отмѣчаетъ своихъ слугъ, кладя на тѣлѣ у нихъ знакъ, и въ этомъ мѣстѣ человѣку не

больно и кровь не идетъ, хоть коли острой иглой. Теперь въ больницахъ есть много людей, которые не чувствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боли на кожѣ, и если даже сдѣлать разрѣзъ, то и кровь не пойдетъ. Въ старину не знали, что есть такая болѣзнь, и думали, что это печать дьявола.

Потомъ, нашли печать, или нѣтъ, все равно, привязываютъ къ скамейкѣ и начинаютъ, по порядку, то завинчивать суставы, такъ что кровь брызжетъ изъ-подъ ногтей и кости дробятся, то вывихивать руки, то подвѣшивать за руки на веревкѣ, и бить плетми. Этого мало: смазываютъ подошвы масломъ и подвигаютъ къ огню, отчего кожа лопается и мясо отваливается отъ костей. И каждый разъ все спрашиваютъ: „зналась съ дьяволомъ, на шабашѣ была?“ Кто же вытерпитъ и не наговорить чего угодно, только бы перестали мучить. И сознаются, наговариваютъ на себя чего только не подскажутъ имъ судьи. Но и этого мало. „Кого видѣла на шабашѣ?“ И человѣкъ долженъ оговаривать совсѣмъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, отдавать ихъ на такія же муки и на костеръ. Сознался на пыткѣ — удавятъ и тѣло сожгутъ, а не сознался — сожгутъ живьемъ. Многіе умирали

на пытку. „Ишь ты, — рѣшаютъ судьи, — заморилъ дьяволъ слугу своего, чтобы не выдалъ его тайны“. Иной судья могъ похвастаться, что сжегъ нѣсколько сотъ колдуновъ и колдуній на своемъ вѣку. Всякій заподозрѣнный въ колдовствѣ попадалъ на пытку и на костеръ. А заподозрить ничего не стоитъ. Живетъ человѣкъ бережливо, есть деньги — дьяволъ помогаетъ; живетъ богато, не жалѣетъ денегъ — тоже дьяволъ помогаетъ, даетъ на расходъ. Часто ходитъ старуха въ церковь — глаза отводитъ, чтобы колдовства не видали; рѣдко ходитъ въ церковь, — тоже чертъ не велитъ. Печалень человѣкъ — совѣсть нечиста, съ дьяволомъ ꙗзняется и т. д. безъ конца.

И до чего доходила людская темнота. Одинъ судья получаетъ изъ деревни доносъ на вѣдьму: „извѣщаемъ — пишутъ ему — что такая то напускала на деревню нашу чертей и самыхъ чертей этихъ посылаемъ къ вамъ въ засушенномъ видѣ“. При доносѣ оказалась банка, а въ ней какія-то козявки. Не могутъ даже сообразить люди, какое же зло могутъ причинить такіе черти, которыхъ можно засушить и отправить въ банкѣ, хоть по почтѣ. И много гибло народу по такимъ доносамъ.

Во Франціи лѣтъ триста тому назадъ сожгли за 30 лѣтъ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Въ той же Франціи въ городѣ Тулузѣ одно время сжигали по 400 человѣкъ въ день. Одинъ епископъ сжегъ заразъ 22 дѣвочки въ возрастѣ отъ семи до десяти лѣтъ. Другой обвинялъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ 3-хъ—4-хъ лѣтнихъ дѣтей и сжегъ нѣскольکو мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9-ти до 14 лѣтъ.

Всѣхъ этихъ 3-хъ—лѣтнихъ и взрослыхъ колдуновъ и колдуній не то что находили случайно, а искали нарочно. Держали особыхъ сыщиковъ и платили имъ деньги за каждаго отысканнаго колдуна или колдунью. Кончалось тѣмъ, что сыщики, желая заработать побольше, доносили на кого попало. Одинъ изъ нихъ, умирая, покался передъ смертью, что отправилъ на костеръ 220 завѣдомо-невинныхъ женщинъ.

Такъ и жили всѣ въ вѣчномъ страхѣ. Каждый могъ ожидать, что не нынче-завтра его оговорятъ и онъ попадетъ на пытку, а затѣмъ и на костеръ. Люди слабые духомъ до того доходили отъ этого страха, отъ этого ожиданія, что впадали въ сумасшествіе, шли и сами на себя наговаривали. Судьи рады, сей-

часть допрашиваютъ, пытаются и жгутъ, а имущество казненнаго берутъ себѣ. Бывали примѣры, что не одинъ, не два человѣка, а съ разу цѣлая толпа сойдетъ съ ума и начинаетъ кричать, бѣсноваться и корчиться. Иногда это дѣлалось и притворно. Во время этихъ припадковъ люди оговариваютъ ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Иной разъ въ безпамятствѣ, а иной разъ по злобѣ называли перваго попавшагося, и того сейчасъ же хватали.

Въ одномъ женскомъ монастырѣ всѣ монахини начали корчиться и выть на разные голоса и въ этихъ корчахъ кричать, что на нихъ наслалъ бѣса, испортилъ ихъ священникъ Грандье. А этого Грандье онѣ и въ глаза не видали, слыхали только, что онъ знаменитый проповѣдникъ. Священникъ какъ только узналъ объ этомъ, такъ тотчасъ же пошелъ въ монастырь самъ, думалъ было успокоить монахинь проповѣдью, но тѣ кинулись на него и начали щипать, рвать и бить такъ, что его вырвали отъ нихъ еле живого. Сейчасъ же, ни въ чемъ неповиннаго, Грандье арестовали и начали пытаться. Но это былъ крѣпкій духомъ человѣкъ и не хотѣлъ ни въ чемъ сознаваться. Монахи,

которые были злы на него за общую любовь и уваженіе въ городѣ, сами помогали пытать. Ему сорвали всѣ ногти и такъ раздавили ноги, что мозгъ выступилъ изъ костей. Чтобы везти на костеръ, его завернули въ солому. Онъ было хотѣлъ съ костра сказать, что неповиненъ ни въ чемъ, но стоявшіе около монахи начали бить его палками, крестами и сами подожгли костеръ. Только послѣ догадались, что монахини были больны и ихъ слѣдовало лѣчить, а вовсе не хватать людей по ихъ оговорамъ.

У насъ въ Россіи лѣтъ двѣсти тому назадъ тоже пытали въ тюрьмахъ и жгли на площадяхъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ. Тоже наговаривали и доносили другъ на друга и по злобѣ и по невѣжеству. Оговореннаго немедленно вели въ тюрьму, тамъ его ждала пытка, а потомъ смерть или заточеніе на вѣкъ. Рѣдко, рѣдко кто могъ вытерпѣть или какъ нибудь оправдаться.

Такъ погибло многое множество ни въ чемъ неповинныхъ людей въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ только потому, что люди вѣрили въ колдовство, вѣрили въ помощь дьявола, думали что можно съ этой помощью причинить всякое зло: напускать порчу, болѣзни на человѣка, засуху на поля и падежъ на скотъ.

Мало-по-малу свѣтъ знанія сталъ разсѣивать темноту. Увидали, что колдуны или больные, или обманщики, или же совсѣмъ виновные ни въ чемъ люди. Однихъ значить надо лѣчить, другихъ наказывать за обманъ, а никакъ не терзать и не сжигать на кострахъ. Стали появляться законы, въ которыхъ запрещали розыскивать вездѣ колдуновъ и вѣдьмъ. Мало-по-малу страхъ у всѣхъ началъ проходить и меньше стало съумасшедшихъ, которые оговаривали бы сами себя, и вѣра въ колдовство стала исчезать. Въ городахъ теперь и рѣчи нѣтъ о колдовствѣ: школы и доктора, знаніе и лекарство убили колдуновъ и колдуній, ихъ нѣтъ теперь нигдѣ, но въ деревняхъ и до сихъ поръ еще думаютъ, что есть люди, которые могутъ знаться съ „нечистымъ“, могутъ причинить и вредъ и пользу при помощи дьявола. Скоро и въ деревняхъ увидятъ, что это все вздоръ, что бояться колдовства могутъ только ничего не знающіе люди, которымъ только и свѣту въ окнѣ что ихъ деревня. Чѣмъ больше обученъ человѣкъ, тѣмъ больше понимаетъ все, что вокругъ него дѣлается, колдовство тамъ только и живетъ, гдѣ есть темные незнающіе люди.